

\$
The.
Stoic

Theodore Dreiser

СТОИК

Теодор Драйзер

Москва 2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Herman Albert Dreiser
THE STOIC

© Theodore Dreiser, 1974

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой и Марии Богословской

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Драйзер, Теодор.

Д72 Стоик : [роман] / Теодор Драйзер. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-090821-9

«Стоик» — третья, заключительная часть знаменитой «Трилогии желания» Теодора Драйзера, в основу которой положена история жизни американского миллионера Ч. Йеркса, сыгравшего значительную роль в разработке системы общественного транспорта в Чикаго и Лондонского метрополитена.

Главный герой — Фрэнк Каупервуд — переносит деятельность в Лондон, решив заняться строительством линий метрополитена. Герой, как и прежде, бросается из одной схватки в другую, преодолевает серьезные препятствия, до конца жизни оставаясь на вершине финансового олимпа.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Богословская М., Кудрявцева Т.,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090821-9

Глава I

Фрэнк Каупервуд во время своей длительной борьбы в Чикаго за возобновление концессии еще на пятьдесят лет — борьбы, которая, несмотря на все его усилия, кончилась для него полным крахом, — обнаружил на своем пути два труднопреодолимых препятствия.

Первым препятствием был возраст. Каупервуду было под шестьдесят, и, хотя он по-прежнему чувствовал себя полным сил, он понимал, что ему нелегко будет конкурировать с более молодыми и не менее ловкими финансистами и за короткое время существенно увеличить свой капитал, который безусловно достиг бы желанной цифры, если бы ему удалось получить эту концессию. А цифра эта равнялась пятидесяти миллионам долларов.

Второе препятствие, которое по трезвому суждению представлялось ему более серьезным, заключалось в том, что он до сего времени не завел никаких более или менее солидных связей, иными словами, не имел никакого престижа в обществе. Разумеется, тут играло роль и то, что он когда-то в молодости сидел в филаделфийской тюрьме, и его непостоянство, и неудачная женитьба на Эйлин, не сумевшей оказать ему поддержки в обществе, и, наконец, просто его независимый характер, и какой-то поистине неумный индивидуа-

лизм — все это оттолкнуло от него немало полезных людей, которые, пожалуй, могли бы стать его друзьями.

Ибо Каупервуд был не такой человек, чтобы вступать в дружбу с людьми менее сильными, менее деловыми и изворотливыми, чем он сам. Это казалось ему бессмысленным самоунижением или по крайней мере пустой тратой времени. С другой стороны, он по опыту знал, что с людьми сильными, хитрыми и действительно имеющими вес отнюдь не всегда легко завязать дружеские отношения. В особенности здесь, в Чикаго, где ему пришлось бороться со многими из них за власть и за положение. Они предпочли объединиться против него не потому, что он держался иных правил или же действовал иными методами, — они и сами были не прочь действовать так же, — но скорее потому, что он, чужак, забрался в их огород, в сферу финансов, которую они считали своей вотчиной, и сумел приобрести значительно большее влияние и капитал, и притом в значительно более короткое время. Мало того, он своротил жен и дочерей тех самых людей, которые особенно яростно соперничали с ним, и, разумеется, они приложили все старания, чтобы изгнать его из чикагского общества, и действительно преуспели в этом.

В своих интимных отношениях с женщинами Каупервуд всегда считал, что каждый из партнеров должен обладать полной свободой, и добивался этого, не считаясь ни с чем. Но вместе с тем он всю жизнь мечтал встретить такую женщину, которая сумела бы привязать его к себе — конечно, не в том смысле, чтобы заставить его хранить полную верность, об этом он даже и думать не хотел, — но чтобы это была настоящая сердечная привязанность, духовная близость и взаимопонимание. И вот уже восемь лет его не покидало чувство, что он действительно нашел такой идеал в Беренис

Флеминг. Она, по-видимому, ничуть не была ослеплена ни им самим, ни его славой, и его искусство очаровывать женщин на нее не действовало. Может быть, это, а также эстетическое наслаждение, которое вместе с чувственным волнением пронизывало его всякий раз, как он ее видел, и привело его к мысли, что при ее молодости, красоте, такте и уверенности в себе она могла бы создать для него необходимый общественный фон, который повысил бы его престиж и престиж его капитала; но для этого, разумеется, ему надо добиться свободы, чтобы иметь возможность жениться на ней.

К сожалению, несмотря на всю свою непоколебимость в отношении Эйлин, он все еще был не в состоянии освободиться от нее. Она твердо решила не уступить его никому. А воевать с ней из-за развода, в то время как все силы его были поглощены жестокой борьбой за железнодорожные концессии в Чикаго, — это было уж слишком тяжелым бременем. Тем более что и со стороны Беренис он не видел ни малейшего поощрения. По-видимому, ее привлекали люди не только моложе его, но и с прочным общественным положением, чего он при своей репутации был не в состоянии ей предложить. Так он впервые извещал горечь неудачи в любви; он часами сидел один у себя в кабинете, погруженный в мрачные размышления. Он был совершенно убежден, что на этот раз потерпел полный крах и в борьбе за увеличение капитала, и в попытках завоевать любовь Беренис.

И вдруг однажды, когда он меньше всего ожидал этого, Беренис пришла и объявила, что она принадлежит ему, — он сразу точно помолодел, к нему вернулась былая энергия, жажда деятельности. Наконец-то он обрел то, о чем мечтал: любовь женщины, которая

поистине будет ему опорой в его борьбе за могущество, славу и прочное положение в свете.

Но как бы откровенно и чистосердечно ни объясняла Беренис, почему она пришла к Каупервуду («Я подумала, что теперь, пожалуй, я вам действительно нужна... и вот решилась!»), в ней все же чувствовался какой-то надлом — она была уязвлена жизнью, обществом, и это толкало ее взять реванш, расквитаться за те жестокие обиды, которые ей пришлось испытать в ранней юности. И то, что она на самом деле думала и чего Каупервуд, восхищенный ее неожиданной близостью, не понимал, можно было сформулировать так: «Ты пария — и я тоже. Мир пытался сокрушить тебя. А меня он пытался выкинуть из той сферы, к которой я по природе своей и по всем чувствам своим должна принадлежать. Ты негодуешь — и я тоже. Так давай заключим союз: союз красоты, смелости и ума, но союз равноправный, чтобы в нем не было господства ни с той, ни с другой стороны. Потому что, если мы не будем относиться друг к другу честно, нам не удастся сохранить этот наш неосвященный союз». Таков был, в сущности, ход ее рассуждений, которые столь неожиданно для Каупервуда привели ее к нему.

Но если Каупервуд и угадывал сильную, сложную натуру Беренис, он все же не мог угадать течение ее мыслей. И в этот зимний вечер, когда она внезапно вошла к нему (цветущая и румяная с мороза), он, глядя на нее, никогда бы не сказал, что она все тщательно продумала и взвесила. Да и как можно было заподозрить в этом такое юное, веселое, улыбающееся, очаровательное существо? И, однако, это было так. Она стояла перед ним, смело откинув голову, втайне чуточку волнуясь. В ее отношении к нему не было никакого коварства, скорее уж это была любовь, если только жела-

ние принадлежать ему и быть с ним до конца его дней, — но только на таких вот определенных условиях, — можно назвать любовью. С его помощью, рука об руку с ним, она достигнет желанной победы, и оба они чистосердечно и любовно будут поддерживать друг друга.

Итак, в этот самый вечер Каупервуд, глядя на нее, сказал:

— Но мне все-таки хотелось бы знать, Беви, как это вы вдруг пришли к такому неожиданному решению? Как могло случиться, что вы решились на такой шаг сейчас, когда я только что потерпел второе и действительно крупное поражение?

Она спокойно смотрела на него, и сияние ее синих глаз окутывало его словно бы теплым туманом, пронизанным солнечными лучами.

— Видите ли, я много думала о вас... и читала о вас в прессе — все эти годы. Вот только в прошлое воскресенье в Нью-Йорке я прочла о вас целых две страницы в «Сан». И они, кажется, помогли мне понять вас немного лучше.

— Газеты?.. Нет, правда?

— И да и нет. Не руганью, конечно, которою они осыпают вас, но фактами — если то, что они собрали и выдают за вашу биографию, это действительно факты. А вы, правда, никогда не любили вашу первую жену?

— Не знаю. Вначале мне казалось, что любил. Но, конечно, я был еще совсем мальчишкой, когда женился на ней.

— А теперешнюю вашу жену, миссис Каупервуд?

— Ах, Эйлин? Да! Когда-то я был очень привязан к ней... — неожиданно признался он. — Она для меня много сделала, очень много, а я не такой, чтобы забывать добро, Беви! И в то время я был влюблен в нее.

Сильно влюблен. Но, конечно, я был еще очень молод и в духовном отношении не так требователен. Виновата в этом не Эйлин. Просто это была ошибка неопытного человека.

— Мне становится немного легче, когда я слышу это от вас, — сказала она. — Вы, оказывается, вовсе не такой уж безжалостный, каким вас изображают. Я, конечно, намного моложе Эйлин, но мне кажется, если бы я была уродом, вряд ли мои духовные качества сколько-нибудь заинтересовали бы вас.

Каупервуд усмехнулся.

— Верно! — сказал он. — Не стану оправдываться в том, что я таков. Умно уж там или глупо, но я в жизни руководствуюсь только эгоистическими соображениями, потому что, как мне кажется, человеку, в сущности, больше и нечем руководствоваться. Может быть, я ошибаюсь, но мне сдается, что большинство из нас поступает именно так. Возможно, существуют какие-то другие интересы, которые стоят выше своих, личных, но когда человек действует на пользу себе, он тем самым, как правило, приносит пользу и другим.

— Я, кажется, согласна с этой точкой зрения, — отвечала Беренис.

— Мне хотелось бы, чтобы вы поняли хорошенько одно, Беви, — ласково улыбнувшись, продолжал Каупервуд, — это то, что я ничуть не пытаюсь ни преуменьшать, ни скрывать ни единой обиды, которую я кому-нибудь причинил. Жизнь идет, человек меняется, и огорчения при этом неизбежны. Мне просто хочется рассказать вам, как, на мой взгляд, обстоит дело, чтобы вы в самом деле поняли меня.

— Благодарю, — рассмеялась Беренис, — но вам вовсе незачем чувствовать себя так, точно вы даете свидетельские показания.

— А вот именно так я себя и чувствую сейчас. Но позвольте мне еще немножко рассказать вам об Эйлин. Это существо любящее, эмоциональное, однако в духовном отношении она никогда не была и не может быть тем, что мне нужно. Я знаю ее хорошо и понимаю ее, и я всегда буду благодарен ей за все, что она делала для меня в Филадельфии. Она не покинула меня, несмотря на ущерб, который это наносило ее репутации. Вот поэтому-то и я не покидаю ее, хоть и не могу любить так, как любил когда-то. Она носит мое имя, живет в моем доме. Она считает себя вправе владеть и тем и другим.

Он выжидательно посмотрел на Беренис.

— Вы, конечно, понимаете это? — спросил он.

— Да, да! — воскликнула Беренис. — Конечно, понимаю. И пожалуйста, не думайте, я не собираюсь доставлять ей никаких огорчений. Я пришла к вам совсем не за этим.

— Вы очень великодушны, Беви, но вы несправедливы к себе! — сказал Каупервуд. — Я хочу, чтобы вы знали, как много вы значите для моего будущего. Вы, может быть, еще не понимаете этого, но я хочу сказать вам об этом вот сейчас, здесь. Не зря я мечтал о вас, я не упустил вас из виду в течение восьми лет. Это значит, что я люблю вас и люблю крепко.

— Я знаю... — мягко ответила она, глубоко тронутая этим признанием.

— Все эти восемь лет я видел перед собой идеал, — продолжал он. — Это были вы.

Он замолчал. Ему хотелось схватить ее в объятиях, но он интуитивно чувствовал, что не должен этого делать. Помолчав, он сунул руку в карман жилета и вытащил тоненький золотой медальон величиной с серебряный доллар, открыл его и протянул ей. На внутренней сто-

роне был маленький портрет Беренис: двенадцатилетняя девочка, тоненькая, хрупкая, высокомерная, сдержанная, серьезная — такой она осталась и теперь.

Беренис взглянула и сразу вспомнила — ведь это снимок еще того времени, когда они жили с матерью в Луисвилле и мать ее была женщиной с положением и со средствами. Как это не похоже на то, что случилось с ними теперь! И сколько пришлось ей вынести из-за этой перемены! Она смотрела на свою карточку, и светлые воспоминания проносились перед ней.

— Откуда у вас эта карточка? — спросила она наконец.

— Я увидел ее на письменном столе у вашей матушки в Луисвилле и взял себе. Только она, конечно, была не в этой оправе. Это уж я сам сделал потом. — Он бережно закрыл крышку медальона и спрятал его в карман. — С тех пор она всегда при мне.

Беренис улыбнулась.

— Надеюсь, вы ее никому не показываете! Ведь я там совсем еще дитя.

— И дитя это стало моим идеалом. А теперь — более чем когда-либо. Конечно, я знал немало женщин на своем веку, и мои отношения с ними складывались по-разному. Однако независимо от этого у меня всегда было более или менее определенное представление о том, что мне на самом деле нужно; я всегда мечтал вот о такой сильной, отзывчивой, возвышенной девушке, как вы. Думайте обо мне что угодно, но судите меня отныне по моим поступкам, а не по словам. Вы сказали: «Я пришла к вам, потому что, мне кажется, я вам нужна». И это правда, вы мне нужны.

Она положила руку ему на плечо.

— Я решила, — спокойно промолвила она. — Самое лучшее, что я могу сделать в жизни, — это помочь

вам. Но ведь мы... я... никто из нас не имеет возможности поступать так, как нам хочется. Вы и сами это знаете.

— Еще бы! Но я хочу, чтобы вам было хорошо со мной, и хочу, чтобы и мне было хорошо с вами. И конечно, мне не может быть хорошо, если вы будете огорчаться. Здесь, в Чикаго, особенно теперь, мне нужно быть крайне осторожным. И вам тоже. Поэтому нам сейчас надо будет расстаться, и вы вернетесь к себе в отель. Но завтра около одиннадцати, я надеюсь, вы позвоните мне. И тогда, может быть, нам удастся обо всем поговорить. Но подождите минуту.

Он взял ее за руку и повел в свою спальню. Закрыв дверь, он подошел к красивому кованому сундуку, который стоял в углу комнаты. Он поднял крышку, вынул оттуда три небольших подноса с коллекцией древних греческих и финикийских колец и поставил перед Беренис.

— Ну выбирайте! Каким кольцом вы обручитесь со мной? — сказал он.

По обыкновению снисходительно и немножко небрежно, — ибо она была из тех, кого нужно упрашивать, а не из тех, кто умеет просить, — Беренис стала разглядывать и перебирать кольца, невольно восклицая, когда ей попадалось какое-нибудь, особенно поразившее ее.

— Цирцея, наверное, выбрала бы вот эту свернувшуюся серебряную змейку, — промолвила она. — А Елена — вот эту гирлянду цветов из зеленой бронзы. Я думаю, что Афродите, наверно, понравилась бы эта согнутая рука и пальчики, крепко сжавшие камень. Но я хочу выбрать не просто самое красивое. Я возьму себе вот эту потускневшую серебряную ленту. В ней чувствуется и сила, и красота.

— Всегда что-то придумает, чего не ожидаешь! — воскликнул Каупервуд. — Ах, Беви! Вы бесподобны.

Он нежно поцеловал ее и надел кольцо ей на палец.

Глава II

Явившись к Каупервуду в момент его поражения, Беренис помогла ему обрести веру в неожиданное и, более того, — веру в свою счастливую звезду. Конечно, Каупервуд угадывал в ней существо эгоистическое, уравновешенное, скептическое, но менее прямолинейное и много более возвышенное, чем он. Если он жаждал денег ради главного, что они могут дать, — то есть ради власти, дабы пользоваться ею, как ему вздумается, — Беренис жаждала получить с их помощью возможность проявить свою одаренную натуру и удовлетворить тем самым свою эстетическую потребность в красоте. Ей хотелось достичь этого не столько путем самовыражения в той или иной форме искусства, сколько создать такую жизнь, чтобы и она сама, и вся жизнь ее стали как бы воплощением искусства. Она часто думала, что, будь у нее много, очень много денег и большие возможности, — чего бы она только не сделала, дав волю своей изобретательности. Никогда бы не стала она швырять деньги на большие дома или земли, на всякую показную роскошь, нет, она постаралась бы создать для себя изысканную, вдохновляющую атмосферу!

Она никому не поверяла этих своих мыслей. Это было частью ее самой, чем-то свойственным ее натуре, в которой Каупервуд не так уж тонко разбирался. Она представлялась ему хрупкой, впечатлительной, загадочной, и поэтому ему никогда не надоедало смотреть на нее — это было все равно что любоваться природой: новый день, занимающийся над землей, внезапный ветер, незнакомый ландшафт. А что-то будет завтра?.. Будет она такой же, эта Беренис, какой он видел ее прошлый раз, или нет? Никогда он не мог ответить на

этот вопрос. И сама Беренис, сознавая в себе эту непонятную изменчивость, не могла бы объяснить ее ни ему, ни кому-либо другому: такая уж она есть. И пусть Каупервуд и все остальные принимают ее такой, какая она есть.

Вдобавок ко всему этому в ней чувствовался аристократизм. Невозмутимая, сдержанная, она неизменно привлекала к себе внимание и внушала невольное уважение всем, с кем ей приходилось сталкиваться. Это выходило у нее само собой. И Каупервуд, сразу почувствовавший в ней это врожденное превосходство, был восхищен и изумлен, ибо это было как раз то редкое качество, которое он в глубине души больше всего ценил в женщине. Такая юная, обаятельная, умная и так держит себя — настоящая леди! Он угадал это даже тогда — по фотографии двенадцатилетней девочки в Луисвилле, восемь лет назад.

Но теперь, когда Беренис наконец пришла к нему, его смущала одна мысль. В том восторженном состоянии, в котором он сейчас пребывал, ему неудержимо хотелось сказать ей, что он отныне принадлежит ей одной — неизменно и безраздельно. Но будет ли это так? После первого брака, особенно после того, как у них появились дети и установилась обыденная рутина семейной жизни, он со всею ясностью понял, что эта обычная норма спокойного супружеского существования совсем не для него. Доказательством был его роман с юной красавицей Эйлин, чья самоотверженная любовь и привязанность к нему заставили его впоследствии соединиться с ней брачными узами. Чувство порядочности в данном случае играло не меньшую роль, чем его влечение к Эйлин. Но с тех пор он считал себя свободным от всяких обязательств, решив, что он впра-